
К уяснению основной проблематики философской психологии

В. М. ЛЕТЦЕВ

Статья посвящена традиции разработки философской психологии в России конца XIX - начала XX столетия (рассмотрены подходы Г.Г. Шпета и С.Л. Франка). Автор показывает, что в начале XX столетия происходило "выделение и обоснование" новой области знания - *философской, или метафизической психологии*, которая в отличие от "эмпирической психологии", занятой исследованием "закономерностей душевных явлений", имела задачей изучение "общей природы душевной жизни". В статье выясняется, что исследуемые авторы при конституировании этой новой сферы знания первостепенное значение отводили понятию внутреннего опыта, который, по их мнению, должен быть "подлинным эмпирическим фундаментом" науки о душе.

The article is focused on the tradition of development of philosophical psychology in Russia at the end of the 19th- beginning of the 20th centuries (approaches suggested by G.G.Shpet and S.L.Frank are considered in the paper). The author shows that at the beginning of the 20th century, the "delineation and grounding" of the new domain of knowledge took place - of the *philosophical, or metaphysical psychology*. Unlike the "empiric psychology", which was engaged in research on "regularities in psychical phenomena", this new one has set as its task the study of the "general nature of psychical life". The evidence is provided that the authors considered in the paper, while constituting this new sphere of knowledge, had given the primary value to the concept of internal experience. In their opinion, this experience must form an "authentic empiric foundation" for the science about the soul.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафизическая линия русской психологии, отношение философии и психологии, проблема души, философская психология, внутренний опыт.

KEY WORDS: metaphysical line of Russian psychology, relationship between philosophy and psychology, the problem of the soul, philosophical psychology, internal experience.

*"За абстрактными схемами нашей психологии не
видать жизни нашей души".*

Г.Г. Шпет

В последние несколько десятилетий в нашей культуре наблюдался резкий всплеск интереса к психологии. В образовательном процессе это выразилось в значительном увели-

чении количества психологических специальностей в вузах, росте числа психологических факультетов, институций и т.п. Лавинообразно выросли тиражи психологической литературы... Для нас в этой ситуации важно, в первую очередь, то, что и потребности образовательного процесса и обычный читательский интерес к психологии заполнялись, по преимуществу, многочисленными изданиями работ известных зарубежных психологов XX столетия и переизданием классических трудов советской психологии. Что касается зарубежной психологии, то в большинстве своем, это труды, написанные в эмпирико-рационалистическом и практико-технологическом ключе (исключением, в данном случае, являются работы зарубежных авторов по глубинной и экзистенциальной психологии¹). В то же время труды крупнейших отечественных психологов конца XIX - начала XX ст., их глубокие и оригинальные психологические учения и концепции, - так и не стали определяющими или хотя бы *равно значимыми* в удволении названного интереса². Приблизительно та же ситуация наблюдалась и в исследовательской сфере, которая ныне не *опережает, а следует* за общим читательским интересом (хотя и здесь, конечно, есть исключения).

В то же время, в обозначенный нами период, явно ощущалась потребность и в *ДРУГОЙ*, не эмпирико-рационалистической, не "технологической" и даже не в "рацио-гуманистической" психологии. Попыткой осмысления и некоторого ответа на эту потребность можно считать ряд изданных в последнее время книг и статей, а именно: "Психология и христианство", "Двойное бытие души...", "Психология - наука о психике или учение о душе?", "Возвращение души" и нек. др.³ Уже названия упомянутых нами работ говорят о стремлении авторов к изменению ситуации в психологии, к "возвращению" в психологию ее первоосновного понятия - понятия "души". Странным выглядит, однако, то, что, начиная обсуждение данного вопроса, большинство пишущих подходит к нему *или* очень издавна, обращаясь за решениями к Платону и Аристотелю (что в общем и целом - совсем даже не плохо), *или* с "чистого листа" (предлагая просто дополнить существующие теории понятием "души"), как бы забывая, о существовании достаточно основательной отечественной традиции *философского "душеведения"*...

Мы не будем касаться здесь важного, но довольно болезненного вопроса о принципиальной (т.е. присутствующей на уровне теоретических принципов и установок) готовности (или не-готовности) советской (и пост-советской) психологии к "возвращению" в нее души. Вопрос о том, есть ли у этой, достаточно разработанной (как в области эмпирико-экспериментальной так и логико-категориальной), но парадигмально! все же ограниченной науки⁴ перспектива "одушевления", - прояснится, я думаю, в дальнейшем само собой. Цель этих наших предварительных замечаний в ином, а именно: в указании на то, что обозначенный выше *ДРУГОЙ*, в истоке своем живой психологической ИНТЕРЕС, а точнее та сфера, в которой он *единственно познавательно адекватно* может быть реализован - есть *сфера философской, или метафизической, психологии*.

Понятие "философская психология" употребляется ныне, *во-первых*, для обозначения области психологических знаний существовавших в период до "выделения" психологии из философии (так, например, именуют соответствующий раздел в курсах по истории психологии) и утверждения ее в качестве "самостоятельной" научной дисциплины⁵, *во-вторых*, для обозначения области исследований, которая возникает уже после такого "выделения" (или же продолжает существовать не утрачивая сущностной связи с философией) и конституирует себя как сфера исследований за пределами естественно-научных и редукционистских подходов в психологии, как подлинная наука о "ДУШЕ" человека. Именно так, "Душа человека", поименовал свою книгу по философской психологии СЛ. Франк⁶.

К этой, возникшей во второй половине XIX — начале XX в. сфере психологических исследований и построений, мы и намерены сейчас обратиться.

* * *

Собственно метафизическая линия в русской психологии существовала и ранее обозначенного нами периода, в рамках духовно-академической традиции философствования, базирующейся, главным образом, на принципах "старой метафизики" школы Х. Вольфа.

Однако вместе с возникновением в середине XIX ст. натуралистической и позитивистской психологии в русской философии возникает традиция метафизической психологии, развивающая свои построения уже с учетом кантовской критики метафизики, критики субстанциальности души, с учетом послекантовской философской мысли. Эта традиция представлена в трудах замечательных отечественных мыслителей - П.Д. Юркевича, А.А. Козлова, Н.Н. Страхова, Л.М. Лопатина, В.И. Несмелова и нек. др. В начале XX в. важнейшим аспектам философской психологии посвящены работы Н.О. Лосского, С.А. Аскольдова, Г.Г. Шпета, Б.П. Вышеславцева, А.Ф. Лосева и др. Фундаментальной работой, в которой осуществлена реформа метафизических оснований психологии, является магистерская диссертация В. В. Зеньковского "Проблема психической причинности" (1914). Примером специального труда по философской психологии является уже упомянутая книга С.Л. Франка "Душа человека. Опыт введения в философскую психологию" (1917).

Тем самым мы имеем мощную традицию другой, не позитивистски-эмпирической, а философской, или метафизической психологии, в рамках которой разрабатывалась проблема души, проблема душевного и духовного в самых различных ее аспектах. Исключительно важным здесь является то, что большинство решений и точек зрения в этой традиции не только не устарели, но во многом - как бы само это выражение банально не звучало! - опередили свое время¹, а также предвосхитили более поздние дискуссии на аналогичные темы в западной литературе.

Методологическая разработка науки - писал по сходному поводу Г.Г. Шпет - "часто заставляет вспомнить о терминах, разделениях и теориях, казалось, вытесненных уже из научного обихода" - в этом случае, замечает мыслитель, - "приходится восстанавливать некоторые точки зрения, как в высшей степени плодотворные, хотя и казалось, что их ценность всего только архивная"⁸ [Шпет 2000, 82-83].

Ниже мы попытаемся, обращаясь к отечественной традиции, наметить основную проблематику той сферы, которая именуется философской, или метафизической, психологией. Ввиду немалого объема материала и ограниченности места мы будем опираться (в данной части статьи) на ключевые для нашей темы работы двух авторов - Г.Г. Шпета и С.Л. Франка⁹.

Восстановление метафизической линии в отечественной психологии конца XIX - начала XX ст. - после некоторого периода относительного доминирования натуралистических и позитивистских подходов и методов - было закономерным процессом, ибо попытка устранить сам предмет психологии, т.е. отбросить реальную субъектно-субстанциальную основу психики, "резать" этот "субъективный придаток" (как выражался отец русской физиологии И.М. Сеченов) "за ненадобностью" и свести психологию либо к физиологическому субстрату, либо к совокупности явлений без основы, не могли утвердиться надолго, - они противоречили элементарному опыту человеческого самопонимания. Человек, действительно, часто не поднимается до уровня духовного бытия, но он внутренне противится также и тому, чтобы его считали или о нем высказывались лишь как о физическом теле¹⁰.

К началу XX ст. становится очевидным, что позитивистски-эмпирическая психология (или "психология без души", как ее точно поименовал Ф. Ланге¹¹), выстраивающая себя по образцу естественно-научной дисциплины и утверждающая себя как единственно истинное научное знание о психике человека - эта психология - является абстрактно-схематическим знанием, которое не может удовлетворить ни собственному назначению психологии (призванной, в первую очередь, раскрыть внутренний душевный мир человека), ни запросу круга гуманитарных наук (или наук о духе) на знание о живом, целостном мире человека.

"Психология с ее абстрактными понятиями и методами, - писал об этом Г.Г. Шпет, - не приближается к жизни духа, а отходит от него. Логическое оперирование над абстракциями, гипостазирование абстракций, замена анализа психологического, производимого с помощью самонаблюдения, логическим рассуждением, убеждение, что логические схемы выражают реальное отношение разных сторон живой душевной жизни, представление о психологии, как о какой-то механике абстрактных психических сил, — все это и все ана-

логичное этому я называю логизированием психологии, логизмом в психологии, подделкой под психологию" [Шпет 1996, 32]. Такая "фальсифицированная психология", замечает Г.Г.Шпет, утратила право на название науки о душе¹².

Главная причина такого недолжного, кризисного состояния психологии кроется, по мнению Г.Г. Шпета, в разрыве ее изначальной "связи с философией, с метафизикой". В критический момент своего развития, замечает он, психология, "отказавшись от права на свое философское первородство", всецело подчинилась физиологии. Наука о душе для своего спасения ("спасения" по причине того, что душа как субстанция была поставлена под вопрос (Юмом, Кантом). - В.Л.) пожертвовала душой, — стала "психологией без души". В итоге наука, исконно опирающаяся на опыт самонаблюдения и обращенная к фактам внутренней душевной жизни, была заменена "рационализированной и логизированной системой представлений". И только устранение этой методологической подмены и восстановление сущностной связи психологии с философией, с метафизикой может, по мнению Г.Г. Шпета, "спасти жизнь психологии". Другими словами, требуется радикальная реформа психологии, пересмотр ее опытных оснований, обращение ее к реальному опыту живой личности. И это есть, по Г.Г. Шпету, "Один путь психологии...". "И есть ли иной путь у нее?" - риторически спрашивает он¹³.

Не менее важна для Г.Г. Шпета и другая сторона проблемы. Говоря об отсутствии "логического достаточного основания" для отделения психологии от метафизики, он указывает также и на пагубность отдаления философии от психологии. "Если психология в своем развитии по пути абстракции оторвалась от философии и тем нанесла ей ущерб, потеряв многое и для себя, - пишет Г.Г. Шпет, - то, с другой стороны, повинна и метафизика в том же грехе, - она также отдалилась от данных опыта, отделилась от твердой почвы жизни и повисла в воздухе на логических качелях". Потому, настаивает Г.Г. Шпет, восстановление связи психологии и философии должно быть, "двухсторонним", то есть как психология должна "двигаться навстречу философии", так и философия должна "обнаружить в себе необходимость возобновить сношения с психологией" [Шпет 1996, 39]. Таким образом, "новый путь в психологии" есть, по убеждению Г.Г. Шпета, одновременно, "возрождение и философии".

Так смотрит на проблему Г.Г. Шпет.

СЛ. Франк демонстрирует несколько иной ракурс видения проблемы души в психологии. Не отказывая эмпирической и "экспериментальной" психологии в относительной ценности и полезности, он, вместе с тем, отмечает, что "...современная так называемая психология есть вообще не психология, а физиология. Она есть не учение о душе как сфере некой внутренней реальности, которая - как бы ее ни понимать - непосредственно, в самом опытном своем содержании, отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, а именно учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений. Прекрасное обозначение "психология" — учение о душе, - замечает СЛ. Франк, - было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области" [Франк 1964, 15].

Речь у СЛ. Франка идет, таким образом, уже не о методологической подмене в психологии, а о радикальной смене ее предмета. Для СЛ. Франка очевидно вытеснение из предметной области психологии целой сферы реальности, которая только и может быть названа душой, а познание этой сферы - наукой о душе.

«Мы не стоим, - пишет СЛ. Франк, - перед фактом смены одних учений о душе другими (по содержанию и характеру), а перед фактом совершенного устранения учений о душе и замены их учениями о закономерностях так называемых "душевных явлений", оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира". Нынешняя психология и "сама себя признает естествознанием", - добавляет он. Можно, конечно, сомневаться так это или нет, настаивать на сугубой научности современных наук о психическом, - "одно лишь несомненно: - подчеркивает СЛ. Франк, - живой, целостный внутренний мир человека, человеческая личность, то, что мы вне всяких

теорий называем нашей "душой", нашим "духовным миром", в них совершенно отсутствует" [Франк 1964, 15-16].

Решение обозначенной проблемы видится СЛ. Франку как "выделение и обоснование" новой области знания, как создание подлинной науки о душе - *философской психологии* - призванной, как он пишет, "восстановить истинное значение названия "психология"».

Под учением о душе или *философской психологии* - а именно «так мы можем и будем называть намечающуюся здесь науку, - пишет СЛ. Франк, - ...мы должны разуть именно общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия, в отличие от так называемой "эмпирической психологии", имеющей своей задачей изучение того, что называется "закономерностью душевных явлений"» [Франк 1964, 36].

Фактически, замечает СЛ. Франк, философская психология хотя и "в скудной и по своему внутреннему смыслу неосознанной форме всегда существовала; существует она и в нашу эпоху, потерявшую сознательный интерес к ее проблемам... Она рассеяна, например, во вступительных или заключительных соображениях учебников и исследований по "эмпирической психологии", в рассуждениях "о задачах и методах психологии" (часто наивно воображающих, что можно говорить о задачах и методах науки, не имея обобщающего, философского знания о ее предмете), во всякого рода "введениях в психологию" и рассуждениях об общих вопросах психологии... в общих философских и гносеологических трудах" [Франк 1964, 37].

Суть дела заключается, однако, в том, чтобы "признать в душевной жизни особую, специфическую реальность, требующую в этом своем качестве общего описания ее природы". И если "мы вообще не совершенно слепы и замечаем самый факт душевной жизни, - подчеркивает СЛ. Франк, - ... мы ... должны иметь и то или иное мнение об общей природе этой области, - мнение, по необходимости предшествующее изучению соответствующих единичных явлений и определяющее задачи, характер и метод этого изучения" [Франк 1964, 36-37].

Необходимость конституирования новой (или восстановления основательно забытой) сферы знания - философской психологии - СЛ. Франк связывает также с потребностью внутреннего обновления самой философии. Серьезный кризис, обнаружившийся в теории познания (он указывает здесь на построения Г. Мюнстерберга¹⁴ и П. Наторпа¹⁵) СЛ. Франк рассматривает как симптоматику общего кризиса в философии, связанного с проблемой человека, как субъекта. «Как бы противоречив ни был замысел старой психологической теории познания, - пишет он по этому поводу, - в нем было все же верным то, что человеческое сознание есть для нас не только как бы внешнее, объективное содержание знания... а некая самодовлеющая, внутренне и первично данная нам реальность, истинно слитая с самим *субъектом* знания. Признавать душевную жизнь только как частную область *мира объектов*, значит, не замечать целого мира - внутреннего мира самого живого субъекта. Между тем именно этот субъект как живая, конкретная реальность исчез, как бы испарился в процессе (вполне законного с общей точки зрения) очищения философии от психологизма. Субъект, как живая человеческая *личность* или *душа*, сперва утончился, превратившись в чистую абстракцию "гносеологического субъекта", "сознания вообще" и т.п., а потом и совсем испарился, сменившись "царством объективной истины", внесубъектным содержанием знания». ..."Судорожные и бесплодные усилия современной гносеологии спасти утраченную сферу субъективности", - замечает СЛ. Франк как раз и обнажают то, что можно назвать кризисом философской психологии [Франк 1964, 40-41].

Так, подходя к проблеме с двух разных сторон, СЛ. Франк обнаруживает, что уже само научное развитие "требует возрождения философской психологии". Осуществление этой задачи, по мнению СЛ. Франка, должно начинаться с пересмотра ряда господствующих философских понятий и "действительного уяснения" пока лишь вдалеке брезжащего, как он пишет, "нового или, вернее, забытого мира внутренней реальности человеческого духа" [Франк 1964, 47].

Резюмируя изложенное, отметим, что и Г.Г. Шпет и СЛ. Франк, несмотря на некоторые словесные различия при квалификации того, что является собою современная им внешняя психология (т.е., что она такое - "абстрактная психология" или физиология?), а также, несмотря на различие акцентов при формулировке путей выхода из кризиса, в котором оказались и психология и метафизика (у Шпета - это восстановление "первородной" связи психологии и философии, у Франка - возрождение философской психологии, конституирование новой области знания - науки о душе), оба настаивают - как на первоочередной задаче - на необходимости *выделения* во внутреннем мире человека особой, *специфической сферы реальности*, которая только и может быть названа душой и которая единственно может выступать подлинным предметом психологии как науки о душе. Оба мыслителя едины также в понимании того, что эта особая, "самодовлеющая, внутренне и первично данная нам реальность" (Франк), этот "живой центр духовных сил, направленных на действительность" (Шпет) открывается нам лишь во *внутреннем опыте*, в опыте непосредственного переживания этой реальности. И трудности отграничения этой сферы от чувственно-предметного бытия, вообще, ускользание ее от описания, не могут служить поводом или оправданием дальнейшего игнорирования психологией этой реальности. "Как ни затруднительно описание непосредственно данного, - пишет Г.Г. Шпет, - но на него именно и должно быть направлено внимание психологии" [Шпет 1996, 39].

Эта открывающаяся нам во внутреннем опыте и непосредственно переживаемая нами реальность, является тем источником, благодаря которому мы вообще, как подчеркивает Г.Г. Шпет, "приобретаем понятие о реальном", которое "затем уже переносим и на другое". Потому в обращении к внутреннему опыту, как опыту "подлинно реального", заключается, по мнению Г.Г. Шпета, решение проблем как психологии так и метафизики. "Метафизика, ставя себе целью познание реального, - пишет он, - должна опираться на эмпирический фундамент, а психология, даже устанавливающая абстрактные отношения, должна извлекать их из конкретного реального" [Шпет 1996, 30].

Именно изнутри, в опыте непосредственного переживания психическая реальность предстает нам не как сумма явлений, оторванных от питающей их реальной основы, а как *целостность*, как действительный конкретный субъект, как *живая человеческая личность*.

В свете сказанного, становится очевидным, что возрождение философской психологии, или науки о душе невозможно без обращения к внутренней реальности, к данным *внутреннего опыта*, без восстановления прав этого опыта как *подлинного эмпирического фундамента* науки о душе, фундамента, отринутого позитивистским эмпиризмом. Вопрос о внутреннем опыте имеет, таким образом, первостепенное значение для построения философской психологии.

Наиболее глубоко и основательно о внутреннем опыте как источнике знания о душе, как источнике истинного познания вообще, - писал в русской философии Л.М. Лопатин¹⁶.

Подчеркивая исключительную важность учения Канта о *трансцендентальной апперцепции*, в соответствии с которым "единство нашего сознающего Я не есть *продукт* нашего внутреннего опыта, а наоборот, представляет *изначальное условие* самой возможности какого бы то ни было опыта", Л.М. Лопатин, вместе с тем, указывает на "односторонность" или, как он еще выражается, на "предубеждение Канта против фактов внутреннего опыта, как чисто субъективных, и его склонность приписывать объективное научное значение только законам опыта внешнего. В силу этого, - пишет Л.М. Лопатин, - единство сознания для Канта не есть *реальное* единство, но, "своего рода символ, под углом которого мы только и можем что-нибудь понять и узнать, но который ничего не открывает нам о природе сознающей в нас силы" [Лопатин 1996, 220-221]. Другими словами, единство сознания имеет у Канта "чисто формальное" значение (именно такое значение в познании Кант придавал трансцендентальной апперцепции), а не есть выражение реальной природы нашего сознающего Я. Нет никакого сомнения, замечает по этому поводу Л.М. Лопатин, что единство нашей познающей мысли может иметь такое "только формальное и логическое значение в познании вещей нам внешних". Но "сама наша мысль, самое наше

сознание с совершающимися в нем процессами есть также реальность, и притом самая основная и первая для нас, потому что мы все другое измеряем ею. А эта реальность, подчеркивает Л.М. Лопатин, обладает действительным внутренним (а не откуда-то извне привнесенным) единством, и без него у нас не было бы ничего похожего на душевную жизнь" [Лопатин 1996, 221]. Иначе говоря, по Л.М. Лопатину, единство сознания, обнаруживаемое нами при познании внешних вещей, т.е. в опыте *внешнем*, - есть лишь функция реального и первичного внутреннего единства сознания, открывающаяся нам в опыте *внутреннем*.

Не менее ярко и убедительно (подходя к проблеме опыта с несколько иной стороны) высказывался о кантовой "предубежденности" (в отношении внутреннего опыта) В.И. Несмелов. Отвечая на вопрос о том, почему Кант считал, "что для критической философии и положительной науки совершенно невозможно делать каких бы то ни было утверждений о духе (в силу того, что "доступные нам в опыте явления душевной жизни говорят собственно не о духе, а только о себе самих)", В.И. Несмелов дает такой ответ: это произошло потому, пишет он, что Кант "мыслил о духе (как о *Ding an sich*) - как о бытии в себе (т.е. находит его во внутреннем опыте - заметим мы), а искал это *бытие в себе между явлениями* (т.е. в опыте внешнем - вновь заметим мы), однако "для критической философии", - продолжает Несмелов, - "должно быть до очевидности ясно, что *ЕСЛИ ДУХ* есть *БЫТИЕ В СЕБЕ*, то он уже не может сознавать себя *НИ КАК ЯВЛЕНИЕ, НИ КАК СУММУ ЯВЛЕНИЙ*, потому что все явления душевной жизни могут быть только *выражениями деятельности* духа, а не самим духом" [Несмелов 1997, 367]. Иначе говоря, - дух есть *деятель* и его нельзя отождествлять с явлениями как *продуктами* его деятельности.

Но, не будучи ни явлением, ни суммой явлений дух не есть так же и абсолютно непостижимая "вещь в себе", как это выходило у Канта, отрицавшего познаваемость духовной субстанции. "В опыте нашего сознания, - отмечает в этой связи Л.М. Лопатин, - мы всегда имеем дело с его субстанциальным носителем, и, воспринимая явления духа, мы воспринимаем самый дух, поскольку он реализуется через них в своих подлинных признаках" [Лопатин 1996, 201]. Потому "взамен общепринятого "*мы познаем в себе только явления*", мы должны - пишет Л.М. Лопатин, - признать прямо противоположное утверждение: *мы никогда не познаем и не можем познать одних явлений; постоянным и единственным предметом нашего внутреннего опыта всегда оказывается СУБСТАНЦИАЛЬНОЕ ТО-ЖЕСТВО нашего сознания в его разнообразных выражениях*". [Лопатин 1996, 190]

Внутренний опыт, по Лопатину, неотвратимо свидетельствует, таким образом, субстанциальность сознания, субстанциальность души, т.е. реальность духа как деятельного носителя (как субстанции) своих явлений. Дух не есть нечто абсолютно трансцендентное явлениям, он особым образом раскрывает себя в своих явлениях, он существует как некая объемлющая целостность в них (без этого нам вообще было бы недоступно познание и явлений). "...Мы можем, - пишет Л.М. Лопатин, - с полною уверенностью сказать, что имеем конкретную интуицию нашего духа, — она дана нам во всей совокупности нашей душевной жизни и в каждом ее отдельном акте" [Лопатин 1996, 201].

Таким образом, не формально-логическое начало (т. н. "гносеологический субъект") является залогом единства наших познаний или само-познаний, не оно последняя инстанция нашего опыта - "*содержанием нашего непосредственного восприятия всегда оказывается наше собственное субстанциальное единство как сознающих*, — вот положение, - пишет Л.М. Лопатин, - которое, по моему глубокому убеждению, должно составить со временем¹⁷ одну из важнейших истин психологической науки" [Лопатин 1996, 213].

Таковы некоторые важнейшие пункты в вопросе о внутреннем опыте, позволяющие уяснить его центральное значение для науки о душе и его исключительную важность для построения философской психологии.

Л.М. Лопатин в своих многочисленных статьях дает глубоко и всесторонне аргументированную интерпретацию фактов внутреннего опыта, показывает неустранимость понятия духовной субстанции из психологии, обосновывает субстанциальную природу души, выделяет и характеризует признаки субстанциального существования, утверждает реальное единство сознания, его изначальность в отношении всякого опыта. Основной тезис

его спиритуалистической теории гласит - "в основе психических явлений лежит *нематериальная, духовная субстанция*" [Лопатин 1996, 171].

Настаивая на метафизичности любых утверждений, связанных с "принципиальной оценкой опыта", Л.М. Лопатин подчеркивает, что если спиритуалистический взгляд на душевную жизнь есть метафизика, - то "в нем мы имеем такую метафизику, которую с полным основанием можно назвать *эмпирической* в широком смысле слова" [Лопатин 1996, 173].

* * *

Таким образом, мы рассмотрели - очень и очень кратко (это даже не введение, а лишь набросок к теме) - проблематику, которая обсуждалась в начале XX ст. в отечественной философии, применительно к теме философской психологии. Подчеркнем, что эта проблематика интересовала нас в данном случае не в порядке историко-философских или историко-психологических изысканий самих по себе (что также очень важно!), а в порядке установления возможных отправных пунктов для возрождения отечественной традиции научно-философского знания о душе, в порядке определения линий поиска и ориентиров для развертывания этого знания.

Краткость рассмотрения и ограниченность представленного материала не дали нам возможности передать всю неоднозначность ситуации, связанной со становлением науки о душе (а она была - если углубиться в отдельные вопросы - очень разноречива и противоречива¹⁸), а также возможности увидеть всю сложность и трудность вопросов которые подымались и решались в ходе становления отечественной философско-психологической традиции. Думаю, что понадобится некоторое время и немало усилий, чтобы исследовательски уяснить эти вопросы и выстроить перспективную линию дальнейшего развития философской психологии. И все же первоочередные вопросы, главные отправные пункты в науке о душе нам (я надеюсь!) удалось обозначить. Такими основными вопросами являются: вопрос о внутреннем опыте как подлинной эмпирической базе метафизической психологии и проблема выделения во внутреннем мире личности "особой сферы реальности", которая не отождествима ни с чувственно-предметным в психике человека, ни с физиологическим в ней и которая только и может быть названа душой.

В то же время ряд важных проблем, связанных с построением философской психологии, с обоснованием ее ключевых понятий (так или иначе проговоренных в отечественной традиции) - остались за рамками нашего рассмотрения. Например, проблема самонаблюдения (или интроспекции), являющаяся первоосновой методологией в науке о душе, проблема нетождественности данных опыта и их метафизических фиксаций, проблема интерпретации данных внутреннего опыта (в зависимости от разворачивания которой мы получаем различные типы учений о душе), проблема различения сфер духовного и душевного во внутреннем опыте, психофизическая проблема (в частности, "загадка" взаимодействия), проблема "вчувствования", или познания чужой душевной жизни и ряд других серьезных проблем. Каждая из названных тем и проблем требует специального рассмотрения в контексте общей задачи построения философской психологии.

В целом очень важным для нас (важным с оглядкой на современную ситуацию в психологии) было показать, что попытка позитивистски-эмпирической психологии устранить исконный предмет психологии - душу, понимаемую как реальную субъектно-субстанциальную основу психики - не удалась, и философская психология в начале XX ст. была восстановлена, и не просто восстановлена, но в самых главных ее темах обновлена и углублена. К сожалению (не знаю уместно ли здесь именно это слово?), дальнейшие события в России прервали естественный ход философского развития - в результате мы являемся сегодня наследниками фактически двух (не просто разных, но разнородных и никак пока не связанных (хотя бы в форме противоборства, как это было в XIX ст.) психологических традиций (уникальная ситуация!)... Как быть в этом случае? Думаю, что данная статья, до некоторой степени, может быть ответом на этот вопрос ...

В заключение выскажу надежду, что философская, или метафизическая психология, как важнейшая исследовательская сфера, как основа и ядро антропологического знания, призванная ответить на самые глубокие и насущные (из задаваемых современной научной мыслью) вопросы о человеке, и имеющая в отечественной философской культуре богатейшую традицию - начнет возрождаться, обретет, в конце концов, новую жизнь, займет собственное надлежащее ей место среди философских дисциплин и станет подлинной опорой (определяющей и ориентирующей) для всего круга гуманитарных наук. Другими словами, станет их философским самосознанием.

ЛИТЕРАТУРА

Братусь 1998 - *Братусь Б.С.* Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 71-78.

Братусь 2000 - *Братусь Б.С.* Психология - наука о психике или учение о душе? // Человек. 2000. № 4.

Козловски 1997 - *Козловски П.* Культура постмодерна. М., 1997.

Летцев 2002 - *Летцев В.М.* Личность и ее концептуализации в российской психологии второй половины XIX столетия // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий: Сборник научных трудов: в двух частях. Ч. 1. М.: Изд-во МГСА, 2002. С. 94-105.

Летцев 2003 - *Летцев В.М.* Личность как средоточие мировоззренческих исканий В.В.Зеньковского // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 140-146.

Летцев 2005 - *Летцев В.М.* Пневматологическое обоснование психики у В.В.Зеньковского // Христианская мысль. 2005. II. С. 84-90.

Летцев 2006 - *Летцев В.М.* Психология как ведущая тема философских исканий В.В. Зеньковского (киевский период творчества) // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 128-137.

Лопатин 1996 - *Лопатин Л.М.* Аксиомы философии. Избранные статьи. М., 1996.

Несмелов 1997 - *Несмелов В.И.* Наука о человеке // Русская религиозная антропология. Т. 1: Антология. Общ. ред. *Н.К. Гаврюшин.* М., 1997. С. 205-521.

Половинкин 2004 - *Половинкин С.М.* Спор о субстанциях и о свободе между В.С. Соловьевым и Л.М. Лопатиным // Россия и Вселенская Церковь: В.С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества. М., 2004. С. 142-175.

Психология и философия... 2003 - Психология и философия: возвращение души. Сборник статей. М: Российский гуманитар. ун-т, 2003.

Франк 1917 - *Франк С.Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. Ч. 138. Пг., 1917.

Франк 1964 - *Франк С.Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Париж, 1964.

Шпет 1996 - *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. Под ред. Т.Д. Марцинковской. М, 1996.

Шпет 2000 - *Шпет Г.Г.* Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. Под ред. Т.Д. Марцинковской. М., 2000.

Примечания

¹ Исходные антропологические интуиции этих важнейших психологических направлений XX ст., на наш взгляд, нуждаются еще в дополнительном прояснении.

² Хотя ряд авторов, которых мы относим к нашей теме, все же были переизданы - напр., Л.М. Лопатин, В.И. Несмелов, С.Л. Франк и нек. др., - эти издания прошли без серьезных последствий для теоретико-психологических штудий.

³ См: [Братусь 1998]; [Братусь 2000]; [Психология и философия... 2003]. Мы не упоминаем здесь околпсихологической или оккультно-мистической литературы - хотя она также свидетельствует (может быть, еще более явно) о названной выше потребности в *другой* психологии. Отдельно нужно говорить также об историко-философских и историко-психологических изданиях, посвященных затрагиваемой нами теме.

⁴ Парадигмальная ограниченность советской психологии (унаследованная ею еще от материализма XIX ст.) состоит, прежде всего в понимании ею психики как начала "производного", как

начала, которое *возникает* из иных (в конечном счете материальных) начал и является "свойством" или функцией их. И как бы в ходе развертывания данной парадигмы не "облагораживалась" и не "вуалировалась" авторами эта *натуралистически-материалистическая метафизика*, она всегда лежит в подоснове их теорий, превращая психику в эпифеномен. Такой подход, конечно же, не может быть просто развит или дополнен учениями о "душе", он должен быть парадигмально трансформирован.

⁵ "Выделение" мы взяли в кавычки, ибо на самом деле это было не выделение, а отсечение части от целого, искусственный отрыв; "самостоятельной" также в кавычках, ибо самостоятельность эта оказалась мнимой, связь психологии с философией была заменена подчинением ее физиологии (пусть и не всегда явной).

⁶ Первая публикация [Франк 1917].

⁷ См. например, критические замечания Петера Козловски (современный немецкий философ, профессор, с 1987 г. директор Ин-та филос. исследований Ганновера) о необходимости возвращения к "метафизически-субстанциальному толкованию самости". В своей книге он пишет: "Аксиоме модерна "отношения определяют субстанцию и самость" - постмодерная культура противопоставляет объяснение собственной личности как "неделимой и исходной субстанции" [Козловски 1997, 68].

⁸ Здесь и далее выделение прописью наше - *В. Л.*

⁹ Разработка философско-психологической проблематики, предпринятая В. В. Зеньковским, рассматривается нами в статьях: [Летцев 2003; 2005; 2006] и др.

¹⁰ О типологии подходов к психике в российской психологии в середине XIX ст. и о теоретической позиции П.Д. Юркевича, решительно и обоснованно противопоставившего глубинно-онтологический подход к психике физиолого-редукционистской, натуралистической психологии уже в момент ее возникновения см. в нашей статье [Летцев 2002].

¹¹ Ланге, Фридрих (1828-1875) - нем. философ, неокантианец, автор довольно известной и переведенной в свое время в России книги: История материализма и критика его значения в настоящее время, в 2-х т. (1881-1883).

¹² Надо заметить, что ныне ситуация в психологии нисколько не изменилась, а это говорит о том, что развитие психологии в советский период было чисто экстенсивным и в смысле познания душевной жизни его просто не было.

¹³ Давая своей работе название "Один путь психологии и куда он ведет", Г.Г. Шпет во вступлении к ней обыгрывает двусмысленность русского "один путь" (один из - или - единственный), однако выводы его статьи достаточно однозначны.

¹⁴ Мюнстерберг Гуго (1863-1916) - нем. философ и психолог, с 1892 проф. Гарвардского ун-та (США), один из основателей прикладной психологии.

¹⁵ Наторп Пауль (1854-1942) - нем. философ и педагог, один из главных представителей "Марбургской школы", направления в неокантианстве, основанного им совместно с Г. Когеном.

¹⁶ Фундаментальной психологической проблематике посвящен целый ряд работ Л.М. Лопатина, а именно: К вопросу о бессознательной душевной жизни (1890); Явление и сущность в жизни сознания (1895); Понятие о душе по данным внутреннего опыта (1896); Спиритуализм как психологическая гипотеза (1897); Вопрос о реальном единстве сознания (1899) и др.

¹⁷ Хочется надеяться, что такое время не за горами.

¹⁸ Почти каждый серьезный вопрос вызывал множество споров среди философов и психологов-метафизиков (достаточно вспомнить знаменитый спор Вл. Соловьева и Л.М. Лопатина о субстанциальности души (см. современный разбор этого спора: [Половинкин 2004], а также разнообразные возражения среди философов противников метафизики в психологии (в этой связи можно вспомнить труд А.И. Введенского "Психология без всякой метафизики" (1914)).